

ДИСКУССИЯ

УДК 81'272, 81'26

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_200_209

Наумов Владимир Викторович**Независимый исследователь****г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

vladimir_naumov@mail.ru

Бог, природа, человек, язык: этюды пессимизма (эссе на злобу дня)

Аннотация

Эссе содержит многоплановый анализ состояния природы, влияния человеческой деятельности на окружающую среду. Приводятся факты вредоносного воздействия человека на состояние растительного и животного мира Земли, анализируются последствия, предлагаются возможные меры по предотвращению экологической катастрофы и возможного вымирания человеческой популяции. Языковые проблемы анализируются в русле одного из способов взаимодействия человека и языка – пуризма, имеющего продолжительную историю и многочисленные, порой, противоположные позиции его представителей. В статье даётся общая оценка пуризма и связанных с ним проблем двуязычия, анализируется современное состояние русского и других языков в РФ и других странах, отмечается необходимость структурного и статусного изменения образовательных программ, имеющих отношение к природе и языку.

Ключевые слова: Бог, природа, человек, эволюция, экология, язык, образование, билингвизм, языковой пуризм, языковая политика.

© Наумов В. В. 2020

1. Введение [Introduction]

Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, спаси и помилуй нас грешных...

Обращение в сегодняшней пандемично непредсказуемой ситуации к Богу кажется более чем уместным, но едва ли своевременным. Человечество в очередной раз в своей истории получило предупредительный щелчок по лбу, или, как сказал Патриарх Кирилл (8.10.2020) «последний звонок», имея в виду Covid-19. Никто не думал, что 2020 (високосный) год окажется столь тяжёлым испытанием. Однако развитие событий, похоже, опередило даже самые пессимистичные прогнозы. 40 миллионов заболевших (на 24.10.2020), около полутора миллионов летальных исходов за 10 месяцев – не слишком ли суровое наказание за беспечное и сугубо потребительское отношение людей к окружающей среде – обитатели не только человека, но и вотчины её Создателя? Попытаемся осмыслить причинно-следственную связь сложившейся на сегодняшний день ситуации. Большинство людей начинают понимать, что природа это живая материя, способная адекватно реагировать на вмешательство человека в естественный процесс её развития, когда случаются те или иные техногенные катастрофы, природные катаклизмы, вызывающие возмущения всех существующих на земле стихий: воды, воздуха, огня и самой земли. Нередко такие возмущения природы приводят к массовым жертвам среди живых существ. Однако растущая периодичность стихийных и рукотворных бедствий приводят к мысли о том, что человек до сих пор не осознал ни своей ответственности за состояние окружающей среды перед будущими поколениями, ни возможности постепенного вымирания человеческой популяции вследствие непригодности для жизни планеты Земля. Ощущение, что люди потеряли не только исторически присущий им страх перед природой и Богом, но и разум, с течением времени становится все более явственным.

Пожалуй, самым известным литературным вариантом подмены понятий в сути отношений человека с природой является вредоносная сентенция: «Природа не храм, а мастерская и че-

ловек в ней хозяин», вложенная 150 лет назад И. С. Тургеневым в уста главного героя романа «Отцы и дети». Напомним, что Евгений Базаров погиб от неосторожного поведения в этой «мастерской». Весь период существования *homo sapiens* на земле со всей определённо указывают, что человек, отнюдь, не хозяин, а грязная, дрожащая и ничтожная тварь, жадно и безмерно удовлетворяющая свои потребности за счёт природы, сознательно или бессознательно губящая её. Так было и так есть. Но потенциал природы не безграничен, и если человек, имеющий только одно право – быть у природы наёмным работником, не будет осуществлять свою деятельность в соответствии со строго регламентированными правилами взаимодействия с окружающей средой, фатальная неизбежность гибели многих видов живых существ очевидна и уже имеет место быть. Объём Красной Книги мировой флоры и фауны увеличивается в среднем на 10% за 5 лет.

Приведу всего два примера, чтобы не впадать в излишний морализм. В Африке осталось две самки белого носорога. Их круглосуточно охраняют четверо вооружённых АК рейнджеров, обеспечивающих пожизненное содержание этого вида животных, лишённого каких-либо шансов на выживание. Последнего самца белого носорога браконьеры убили весной 2020 г. Есть только призрачная надежда на реинкарнацию вида, с Божьей помощью. Нет необходимости объяснять читателю, сколь велика роль соответствующих государственных структур в регуляции отношений человека с природой. В Финляндии нужно получить письменное разрешение нескольких ведомств, чтобы срубить в лесу одно дерево. В России за последние 30 лет, при наличии аналогичных финским ведомств, так называемыми «чёрными лесорубами» уничтожено около 20% лесного массива промышленного назначения. Если принять в расчёт ежегодные пожары, пожирающие тысячи гектаров леса по всей стране, то картина становится совсем мрачной. На планете каждую секунду, по тем или иным причинам, исчезает участок леса размером с футбольное поле. Человечество уничтожает планету с феноменальной скоростью. Человек как господствующий вид рано или поздно, исчезнет с лица Земли по трём причинам: (по степени вероятности): а) вследствие уничтожения среды обитания и превращения Земли в токсичный, не пригодный для жизни мусорный полигон; б) в результате очередной вселенской катастрофы, наподобие той, что 66 миллионов лет назад уничтожила динозавров – господствовавший в течение десятков миллионов лет вид земной фауны; в) ядерной войны, которая по своим последствиям будет сопоставима с астероидной атакой из космоса.

2. Божьи твари [God's creatures]

Бог и природа едины и взаимообусловлены в экзистенциальном смысле. Все населяющие Землю живые существа, включая человека – божьи твари, находящиеся по отношению друг к другу в сложных межвидовых отношениях. Создатель позаботился о том, чтобы у каждого из представителей флоры и фауны было своё предназначение, свои правила поведения, своя система коммуникации. Принципиальное сходство любого вида высокоорганизованных представителей животного мира, наделённых сознанием, с человеческим социумом, состоит в иерархичном, субординативном отношении к себе подобным внутри вида и вне его, т. е. в двух измерениях – синтагматическом и парадигматическом. Дихотомия «свой-чужой» является основой поведения в животном мире и естественного отбора, как механизма эволюции, всех живых существ на Земле. Для Создателя такого деления не существует. Нет животных хороших и плохих, полезных и вредных, добрых и злых. Если летучая мышь, через миллионы лет после её появления на свет, стала носителем чумы 21 века – коронавируса, значит, таково было провидение Господне, избравшего именно эту тварь своей помазанницей. Естественный отбор это не только основной рычаг эволюции, но и Божий промысел как высший феномен регламентации жизни представителей живой среды на Земле. Все виды земной фауны наделены равными исходными данными для развития, вне зависимости от того, приносят ли они своим существованием вред или пользу другим видам, включая человека. Приведём несколько примеров. Уничтожающая колоссальные площади сельскохозяйственных угодий саранча, по праву имеющая статус самого вредоносного для флоры насекомого на Земле, неистребима не только по причине её фантастической плодовитости и огромной численности (стая саранчи насчитывает в среднем несколько миллионов особей). Это насекомое получает всё новые возможности мутации, позволяющие ей адаптироваться к изменениям климата и используемым людьми ядохимикатам, размножаясь с заложенной эволюцией в её

геном скоростью. Единственным сдерживающим фактором является температура воздуха. Саранча не переносит «холода», температуры ниже + 25°C. Пока.

Другой, малосимпатичный для большинства людей, зверёк из семейства грызунов – крыса, будучи символом 2020 года, также достоин более подробного описания. Крыса обладает двумя доминирующими характеристиками – интеллектом и агрессивностью, которые позволяют ей без особых проблем сосуществовать с самым нетерпимым по отношению к этому грызуну представителем земной фауны – человеком. Не в последнюю очередь успешность крысиного бытия обеспечивается идеальными по численному составу и структуре их групп параметрами. Крысиный коллектив обычно состоит из пяти особей: лидера (самца), двух солдат, одного либеро (как правило, самки) и одного изгоя. Жёсткая дисциплина, всеядность и завидная плодовитость (одна самка способна рожать от 6 до 12 крысят каждые два месяца) обеспечивают крысам практически безграничный потенциал витальности и адаптации к любой среде обитания. Крысы были одними из первых, но не единственными, в животном мире переносчиками инфекционных заболеваний, чумы, прежде всего. Но именно переносчиками, тягловой силой на пути к апокалипсису, а не носителями, как в случае с рукокрыльями. Бациллы чумы перемещались на людей блохами, населяющими волосяной покров крыс. Болезнь только в 17–18 вв. унесла десятки миллионов жизней. Символично, что наиболее сильные вспышки чумы в Европе отмечены в 1720, 1820, 1920 гг. Минули очередные 100 лет... Магия чисел или зловещая закономерность? Противостоять этой инфекции люди научились только в начале 20 в. Возникающие в таких ситуациях вопросы: «кто виноват и как жить дальше?» требуют некоторых пояснений. Американский президент Д. Трамп, например, считает, что в случае с коронавирусом виноваты китайцы, скрывшие информацию об очаге инфекции и первых заболевших. Но была ли надежда на локализацию болезни в пределах одной страны при современных возможностях мобильности людей? Думается, что нет. В ответе на вопрос «Кто виноват?» очевидно только одно – не летучие мыши и не крысы, как в случае с чумой. На вопрос «Как жить дальше?» постараемся ответить в следующем разделе.

3. Бог – Природа – Человек [God – Nature – Human being]

Посредником между Богом и природой является человек – высший представитель земной фауны, наделённый интеллектом и второй сигнальной системой, позволяющей осуществлять коммуникацию посредством абстрактной системы знаков – языка, также являющегося неотъемлемой частью природы. Именно человек ответственен за всё, что происходит на Земле с его участием. Господь вмешивается в этот процесс только тогда, когда нарушается баланс состояния стихий и их взаимодействия. Так формируются, в частности, климатические катаклизмы: наводнения, извержения вулканов, землетрясения, не рукотворные пожары и т. д. Процесс изменений земной поверхности: соединения и размежевания материков, появление и исчезновение островов в мировом океане имеет произвольный характер и не зависит от человека. Но не все природные метаморфозы объективны и не обусловлены человеческой деятельностью, имеющей в большинстве случаев вредоносный для окружающей среды характер. Рукотворные мусорные острова, состоящие из отходов человеческой жизнедеятельности, в основном пластикового происхождения, по свидетельству очевидцев, растут в океане, как грибы после дождя. Как ни цинично это может показаться, но Covid-19 принесёт планете Земля кратковременную передышку от газовых атак тысяч промышленных предприятий, остановленных пандемией, жидкостных химических стоков в реки и моря, умертвляющих водную фауну и порождающих мутантов. Но может ли пандемия остановить, или хотя бы приостановить, человеческую преступную беспечность, порождающую разливы тысяч тонн топлива (Норильск, сентябрь 2020), регулярный выброс ядовитых отходов в океан и массовую гибель живых существ, населяющих водную стихию, взрывы складов с боеприпасами в России и по всему постсоветскому пространству (последний случай в Рязанской области, октябрь 2020). Смеем предположить, что этот перечень до конца года ещё пополнится. Где же карающая десница Господня в облике прокуратуры и прочих госструктур, ответственных за охрану лесов, полей и рек, где, как утверждалось в известной советской песне, «так вольно дышит человек»? Не претендуя на оценку деятельности всех причастных к состоянию окружающей среды министерств, замечу следующее. Совершенно очевидно, что од-

но из госведомств, а именно «Росприроднадзор», должно быть наделено чрезвычайными полномочиями. Штрафами природу не восстановишь и миллиардеров не испугаешь. Но если у нерадивых собственников в качестве компенсации изымать имущество, нанесшее окружающей среде крупный материальный ущерб, соответствующие выводы будут сделаны.

Теперь, пожалуй, главная проблема на пути к относительному выздоровлению окружающей среды. В человека с молодых ногтей необходимо закладывать бережное, трепетное, как в Японии, отношение к природе. Поэтому на первый план выходит сфера образования и эстетического воспитания молодого поколения. В советский и постсоветский периоды такие предметы как ботаника, зоология, затем природоведение, имели второстепенное значение и стояли в одном ряду с физкультурой и трудовым обучением. Отношение обучающей и обучаемой сторон к природоведению было и остаётся недостаточно серьёзным. Если министерство образования РФ не изменит приоритеты в определении статуса указанных дисциплин с введением по ним промежуточной и итоговой аттестации, наряду с традиционно считающимися «основными» предметами (математика, физика, химия и т. д.), результат будет в равной степени плачевным и для природы и для человека. Принципиальные изменения следует внести и во все обучающие программы дошкольного образования, касающиеся отношения человека с окружающей средой. Предмет «Природоведение» должен не только содержать информацию о флоре и фауне, но и неукоснительно внедрять в детское сознание необходимость крайне бережного отношения к растительному и животному миру, к братьям нашим меньшим. Если природоведение как следствие повлечёт за собой природосбережение, то такой ответ на вопрос «Как жить дальше?» можно признать приемлемым.

3. Языковой пуризм: за и против [Language purism: pro&contra]

«Язык это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Это, нечасто цитируемое лингвистами, определение [Гумбольдт, 2001, с. 311] показывает, что язык испытывает на себе воздействие с двух сторон: извне – язык социальное явление, и изнутри – язык непосредственно связан с психикой и мышлением человека. Является ли такое буферное, промежуточное положение языка благотворным для его развития или наносит языку вред, вопрос не новый, имеющий различные, порой, противоположные трактовки. Более или менее общей исходной посылкой в анализе механизма субъектно-объектных отношений человека и языка является формула «Не навреди!». В этом разделе мы ограничимся кратким анализом диахронического аспекта пуризма, современного состояния русского и некоторых других языков, оценкой языковой политики государства, ролью образовательных учреждений в сохранении и сбережении национального языка. Сразу заметим, что проблемы здесь по своей значимости сопоставимы с положением дел в живой природе и пренебрежительное отношение к родному языку влечёт за собой угрозу национальной безопасности. Энциклопедическая трактовка языкового пуризма характеризует это явление как «преувеличенное стремление к чистоте литературного языка, к изгнанию из него всяких посторонних элементов» [Википедия..., 2020] (см. подробный анализ проблемы в [Наумов, 2018]; см. также полемику о языковом пуризме в социоисторическом аспекте [Langer, Nesse, 2012] и пуризме по отношению к английскому [Busse et al., 2018], французскому [Walsh, 2010], казахскому [Ismailova et al., 2014] языкам). Ключевое слово в данном определении «преувеличенное». Иноязычный аналог – «гипертрофированное». Так или иначе, речь идёт о субъективном вмешательстве в систему языка, известным ещё со времён позднего средневековья, когда стремление усовершенствовать, «причесать» язык было одним из излюбленных занятий филологов. В. Гумбольдт первым осознал невозможность внешнего воздействия на язык, какими бы «благородными» стремлениями оно ни было обусловлено: «Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к которым не было никаких исходных импульсов. Но никакой народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке ограничений. Здесь и самое высокое просвещение не даёт никаких плодов» [Гумбольдт, 2001, с. 58]. Гумбольдт констатирует факт эволюционных изменений языка, отмечая при этом самостийность языка. Позже на это обратил внимание Ф. Соссюр, охарактеризовав язык как абстрактную систему знаков, подчиняющуюся своему собственному порядку. Но «ограничения», «порядок» – это нормативные категории, а

изменения не всегда приводят к развитию, языка в том числе. Эволюция в природе происходит произвольно, по воле Божьей и в результате вселенских катаклизмов, способных уничтожить большинство живых организмов, и, практически с чистого листа, начать новый этап эволюции. Природный пуризм неуправляем и непредсказуем. Языковой пуризм – дело рук и воли человека. Поэтому и результаты здесь зависят только от человека.

Парадоксально, но именно родина В. Гумбольдта – Германия стала родиной пуризма, первой европейской страной, озаботившейся стремлением к чистоте национального языка. Исторически тесные контакты Германии с романоязычными странами привели к тому, что к концу 18-го века удельный вес французских заимствований составлял более 20% лексического запаса немецкого языка. Тот факт, что проникновение романской лексики было естественным следствием многовековых контактов германцев с народами, населявшими Римскую империю, не принимался пуристами во внимание и поэтому почти все усилия по очищению немецкого языка от романских заимствований в эпоху романтического национализма оказались тщетными. Некогда чужие французские слова были ассимилированы в своем звуковом и графическом облике, став неотъемлемой составной частью немецкой лексической системы: *Balkon, Friseur, Drogerie* и т. д. Отметим ещё один существенный для анализируемой проблемы аспект языкового взаимодействия – семиотический. Заимствования не только восполняют пробелы в языке-реципиенте, вводя для нового понятия соответствующую звуковую или графическую форму. Они во многом ответственны за формирование такого качества языкового знака, как асимметрия. Наличие у одного плана содержания нескольких планов выражения или наоборот является результатом произвольного процесса, возможного вследствие языковой избыточности, объективной и генетически заложенной в языке характеристике. Однако, как всякая языковая категория, языковая избыточность небеспридельна. Кроме того, набор знаков для различного обозначения какого-либо понятия – характеристика регулируемая, обусловленная её функциональной целесообразностью. Узус порождает (или заимствует) такие формы языковых структур, которые необходимы социуму (или его части) здесь и сейчас. А далее судьба новации зависит от ряда факторов: частотности реализации, «удобности/неудобности» звуковой структуры заимствования с точки зрения фонотактики языка-реципиента, его слоговой и акцентной структуры. Например, появившееся в русском языке конца 80-х годов прошлого столетия иностранное слово *офис* постепенно вытеснило русский аналог *кантора*. Вероятно, сработал всеобъемлющий принцип лени, издревле регламентирующий процесс речепроизводства – два слога в первом слове, три во втором.

По такой же схеме сейчас осуществляется ввод в узус таких заимствований, как *кампус* вместо привычного *общежитие*, *фанат* вместо *болельщик* и т. д. Однако далеко не всегда количественные характеристики являются определяющими в отборе иностранного слова и его закреплении в языке-реципиенте. Например, немецкое существительное *Parickmacher* некогда стало основой для полностью ассимилированного русскоязычным узусом слова *парикмахерская*, заметно превосходящего по количеству слогов предыдущее романское заимствование *цирюльня*. Данный пример иллюстрирует ещё одно явление, сопутствующее языковым контактам и имеющее непосредственное отношение к проблематике раздела. Процесс заимствования лексики языком-реципиентом через замещение одного иностранного слова другим практически не анализируется в специальной литературе, хотя именно такой способ проникновения в систему заимствующего языка является: а) достаточно продуктивным; б) весьма показательным для анализа механизма регуляции иноязычной лексики извне. Конкуренцию заимствований за место в системе и норме языка-реципиента нельзя считать полностью произвольным процессом, поскольку предпочтение одного знака другому всегда мотивировано теми или иными факторами. «Вкусовую» оценку проходят те иностранные слова, которые признаются узусом как наиболее «удобные» для заимствующего языка, прежде всего, с позиции податливости ассимилятивному воздействию их звуковой и графической структур. Акцентная структура заимствований, как известно, также претерпевает изменения. Французское слово *жалюзи* в современном русскоязычном узусе в большинстве случаев произносится с ударением на первый слог. Заимствованное русским языком в 90-е годы прошлого века существительное *бутик* также нередко реализуется с первым ударным слогом. Языковые контакты иногда приводят к парадоксальным ситуациям. Например, выпущенный советским автопромом в 70-е годы легковой автомобиль «Жигули» во франкоязычном мире не имел

успеха, поскольку звуковое сходство советской торговой марки с французским словом *жиголо*, имеющим негативную коннотацию, было практически полным. Пришлось изменить название экспортного варианта автомобиля на «Лада». С большой долей уверенности можно предположить, что усилия по недопущению иностранных слов в язык-реципиент могут оказаться результативными только в тех случаях, когда заимствованная лексика находится на стадии «вкусовой» оценки узусом, то есть пока система и норма принимающего языка ещё не подвергла звуковой и графический состав иностранных слов ассимилятивному воздействию.

Другой вопрос, следует ли это делать? Если такая регламентация состояния языка уместна, то кто и как должны осуществлять подобные меры? Анализ показывает, что неконтролируемый вброс иностранной лексики, пожирающей как саранча живую материю родного языка, выхолащивает его дух и, что не менее опасно, нивелирует самосознание носителей языка, утрачивающих чувство родства и ответственности за состояние своего языка как путеводителя в социальной действительности. В этом смысле пуризм может сыграть позитивную роль. Каждая нация по-своему определяет функциональные возможности своего языка. Но каким бы он ни был по форме, язык-путеводитель имеет у всех этносов одну общую черту – способность привести каждого индивида (носителя языка) к желаемой цели. Языковое сознание, определяющее стратегию речевого поведения, обладает инвариантной грамматической и фонетической структурой. Её реализация в речевой деятельности характеризуется широкой вариантностью, обусловленной социальной гетерогенностью общества и колоссальными возможностями лексической системы языка. Именно словарь в первую очередь способен выделить в языковом коллективе группы людей, социальный статус которых закрепляет за ними соответствующий набор лексических единиц и способы их оформления в речи. Таким образом, язык является одновременно и средством объединения нации в языковой коллектив и средством дифференциации данного языкового коллектива на ряд социальных объединений (групп). Структурный изоморфизм с земной фауной, её видовыми изменениями (по Ч. Дарвину) очевиден. Взаимодействие индивидов внутри социальной группы и взаимодействие социальных групп (видов) друг с другом регламентируется в человеческом коллективе системой и нормой языка. Принципиальное отличие системы и нормы состоит в том, что система асоциальна. Ей всё равно, как используются находящиеся в её распоряжении средства. Если, к примеру, в русском языке, глагол *класть* практически прекратил своё существование в дискурсе большинства носителей языка, уступив место своему анормативному аналогу *ложить* с двумя вариантами ударения, то это имеет отношение не к системе, а к норме. Функционально такая замена для языка не ущербна. Но всеядность узуса приводит к опасному противостоянию реальной и кодифицированной норм. Реальная норма, будучи продуктом естественного отбора языковых единиц, является неосознанным, произвольным выбором наивных носителей языка, обращающихся с ним как с обычным бытовым прибором. И, тем не менее, именно наивные носители являются истинной в высшей инстанции в эволюции языка. Кодификация призвана только регистрировать избранные варианты реализации в соответствующих словарях и справочниках. Поэтому включение таких тошнотворных для лингвистов вариантов, как *ложить*, *позвонит*, *походу* вместо *похоже*, *в личку* и т. п. в кодифицированную норму более чем вероятно в не столь отдалённом будущем.

Можно ли этого избежать? Можно, если сработает механизм самосохранения, находящийся в глубинах языкового сознания нации. Так называемое языковое чутьё, присущее носителям языка, способно преодолевать пробелы в образовании и вести, как нить Ариадны, говорящего и пишущего человека к коммуникативной цели. Но более эффективным и реальным является дидактический способ решения проблемы. Мой более чем 40-летний опыт работы в ВУЗе свидетельствует о деградации лингвистического образования в РФ. Попытаюсь это вкратце обосновать. Обучение иностранному языку осуществляется в основном имитационным способом, напоминающим бездумное обезьянничанье. Широкое использование зарубежных учебных пособий, ориентированных на приезжающих в страны изучаемого языка (Германия, Англия, США) иностранцев из Азии и Африки, вынужденных в короткие сроки (на курсах) осваивать чужой язык «сверху вниз», на мой взгляд, не оправдано и даже вредно. В качестве примера могу привести учебное пособие с тарабарским названием «Tangram» из серии

«Deutsch als Fremdsprache», изданное в ФРГ и используемое во многих ВУЗах РФ в качестве основного учебника, представляющего собой примитивное руководство по речепроизводству, которое в подметки не годится изданным в ГДР аналогам.

Несколько слов о теории языка. Удельный вес теоретических дисциплин у студентов-лингвистов в настоящее время сведён к минимуму. С 2007 по 2018 гг. включительно, я преподавал теорию языка (историю лингвистических учений и общее языкознание, семиотику, речевую деятельность общества, теорию второго иностранного языка) магистрантам кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института СПб Политехнического университета. К 2017/18 учебному году из перечисленных дисциплин осталась только «История лингвистических учений и общее языкознание», да и то в урезанном вдвое объёме – один семестр. Двухлетняя программа обучения магистрантов ограничивалась примитивным набором дисциплин по практике английского языка и переводу, мало чем отличаясь по своей сути от пролонгированных курсов иностранных языков. В результате выпускник магистратуры СПбПУ (магистр лингвистики) НЕ понимает сам и НЕ сможет объяснить своим будущим ученикам механизм возникновения языка, его знаковую и социальную природу, функции языка, формы и способы коммуникации. В итоге полная профанация и «попугайный» уровень. Концепция среднего и высшего лингвистического (и не только) образования в РФ ущербна и нуждается в серьёзной корректировке. Должен быть изменен статус русского языка во всех сферах общества: от детского сада до университета. Не может существовать более значимой дисциплины в образовательной сфере, чем родной язык! Но есть и вторая сторона медали. Россия – билингвальная полиэтническая страна. Взаимодействие русского языка с национальными языками старая и весьма непростая проблема. Этот факт должен быть поставлен во главу угла в языковой политике государства.

Чувство родного языка формируется произвольно и долго. В полиэтническом государстве язык становится самодовлеющей силой, дающей, каждому из своих носителей и всему социуму в целом, безграничные возможности использования своего коммуникативного потенциала. Поэтому всякая попытка насильственной подмены благотворного влияния языковой системы родного языка, принижением его статуса за счёт искусственного внедрения в узус иноязычных элементов и структур может привести к далеко идущим негативным последствиям. Недопустимы, в частности, те или иные ущемления прав национального государственного языка в научном сообществе. Конференции, симпозиумы, семинары с участием зарубежных участников, проводимые на территории России, не имеют права не включать русский язык в перечень рабочих языков мероприятия или указывать иностранный(-е) язык(-и) в качестве первого рабочего языка, а русский – в качестве второго или третьего. Далее. Не следует забывать, что любое иностранное слово, в особенности, малоупотребительное, является для билингва знаком-символом (классификация Ч. Пирса [Peirce, 1931]), в котором связь между означаемым и означающим практически отсутствует. Поэтому ввести такие знаки в активный дискурс крайне сложно.

Приведу бытовую, но весьма показательный пример. Летом этого года, на рынке одного из малых городов Северо-Запада России, я остановился у прилавка со специями. На мой вопрос о составе специй расфасованных в одной из пластиковых коробочек, продавец-узбек ответил, что она состоит из «18 ассортиментов». После недолгих выяснений оказалось, что имелось в виду другое слово – «ингредиентов». Понятно, что оба слова, будучи знаками-символами, хранятся в сознании носителя узбекского языка на рецептивном уровне; восприятие и воспроизведение таких единиц чревато коммуникативными сбоями. Знаки-символы требуют от билингва строгого самоконтроля в процессе их реализации. Так называемые «оговорки по Фрейду» на самом деле имеют отнюдь не механическую природу, обуславливающую спорадические трансформации более или менее сходных по звучанию или смыслу слов неродного языка. В сознании субординативного билингва сосуществуют, а, значит, и противостоят две языковые системы: одна – доминирующая, вторая – подчинённая. Взрослому человеку (билингву) нужно обладать незаурядным аналитическим умом, чтобы безошибочно управлять обеими системами. Так называемое «переключение языковых кодов» обязательно сопряжено с сознательным поиском адекватных способов и форм выражения мысли. И если, находясь в рамках одной языковой системы, индивид «всегда неосознанно находит то, чему он бессознательно подвластен» (Сепир), билингв вынужден максимально осознанно осуществлять свою речевую

деятельность, ибо языковая система неродного языка не может быть подвластна индивиду в той же степени, что и система родного языка.

Степень подвластности определяется в каждом конкретном случае уровнем проникновения индивида в языковую систему и норму иностранного языка. Чем глубже это взаимодействие, тем проще и корректнее оперативное управление языковыми единицами неродного языка. Здесь важно подчеркнуть, что тот или иной уровень связи индивида с иностранным языком целиком и полностью должен определяться его социальной мотивацией и функциональной целесообразностью. Поэтому малоперспективным кажется занятие по искусственному вживлению в однородный языковой коллектив чужого языка (в любом виде и объёме) с целью его социализации на внутринациональном коммуникативном пространстве. Очень тонкое наблюдение по поводу восприятия человеком чего-то нового, в том числе и неродного языка, есть у Ф. Ницше: «Слышать что-либо новое нашему уху мучительно и трудно; мы плохо слушаем чуждую нам музыку. Вслушиваясь в чуждое наречие, мы бессознательно стараемся сгруппировать слышанные звуки в слова, более нам знакомые и привычные. Подобным путём германец передал когда-то в *armbrust* 'самострел' слышанное им слово *arcubalista*. Ко всему новому чувства наши относятся враждебно и с неохотой» [Ницше, 2008, с. 102]. Возьмём на себя смелость дополнить сказанное немецким философом. Освоение иностранного языка в целом и его отдельных структур (единиц) в частности как процесс может иметь произвольный и регламентированный характер. И в том, и в другом случае результат будет обусловлен социальными условиями принятия (или непринятия) чуждых языковых единиц. С учётом того, что у носителя языка всегда есть выбор, его речевое поведение, имеющее адаптивную природу, в большинстве случаев определяется выгодой в отборе тех или иных средств коммуникации. Коммуникативная цель определяет средства. Но значит ли это, что носитель языка использует «чуждые» элементы только в тех случаях, когда родной язык не располагает нужными средствами? Отнюдь. С одной стороны язык не допускает не санкционированных системой вольностей. Однако индивидуальные и социальные характеристики речи – это совокупность стереотипов, определяющих характер отношений узуса и нормы и формирующих в языковом коллективе неоднородные группы, представленные носителями различных субкодов. Э. Сепир заметил, что «всякое человеческое поведение включает в себя одинаковые в своей основе типы ментальной деятельности – как сознательные, так и бессознательные» [Сепир, 1993]. Сознательное использование иноязычного материала в дискурсе отдельного индивида и всего социума стимулируется отношением языковой среды к двуязычию. Если языковая среда обуславливает необходимость перехода на иностранный язык, то билингвизм становится нормой речевого поведения. Если же языковая среда позволяет обходиться одним (родным) языком, то переход на второй (иностраный) язык осуществляется в крайне ограниченном наборе ситуаций, связанных, как правило, с реализацией различного рода официальных отношений с институтами государственной власти – носителями второго языка. Большое значение здесь имеют политическая и экономическая составляющие государства, регулирующие процесс социальной адаптации граждан.

Так, например, существенный спад экономики Шотландии в конце 20 века привёл к утрате статуса диалекта шотландского языкового кода «scots» и его постепенной ассимиляции в коммуникативно более мощном британском английском. Однако сейчас ситуация на Британских островах несколько иная. Шотландия предпринимает активные усилия, направленные на обретение политической и экономической самостоятельности. Не последнюю роль в этом процессе играет «scots», обладающий существенными отличиями от BE (британский английский) позволяющими считать шотландский язык самодостаточным коммуникативным кодом, удовлетворяющим потребности национального самосознания. Таким образом, ситуация вынужденного двуязычия не всегда приводит к полному забвению родного языка. А пуристические усилия, осуществляемые инициативными группами в этих случаях способствуют сохранению и укреплению лингвоментальности соответствующего социума. В такой ситуации язык становится, пожалуй, единственным средством самопрезентации нации и ощущения своей этнической принадлежности. Однако волевое, целенаправленное стремление к языковой однородности, которое имеет место в странах ближнего зарубежья, столь же вредно, сколь и некорректно с позиций языковой политики.

И, наконец, ещё одна составляющая анализируемой проблемы. Сущностная и социальная парадоксальность языка состоит в том, что он сочетает в себе взаимоисключающие качества филантропа и мизантропа. Язык не может существовать без людей, но это бездушный организм, не способный противостоять насилию. Язык, обслуживая все сферы деятельности общества, совершенно индифферентен к социуму, его судьбе и проблемам. Однако мизантропия языка – это его временное состояние, реакция на беспечное отношение к нему, стагнация, которая, как правило, не ведёт язык к самоуничтожению, но регистрирует уровень опасного спада жизнедеятельности языка, смену вектора его движения. Немецкий философ точно охарактеризовал суть этой метаморфозы: «Он слишком счастлив был с самим собой. Он – слишком свет, чтоб не пойти за тьмой» [Ницше, 2007, с. 25]. А поход за тьмой долог, неисповедим и чреват нежелательными последствиями. Когда должен последовать подъём, развитие, движение национального государственного языка России вперёд – вопрос из проблематики, которой занимается языковое прогнозирование.

4. Вместо заключения [Instead of conclusion]

Я не отношу себя к специалистам, способным предсказать судьбу и состояние столь противоречивого организма, как язык. Более того, считаю, что какие-либо прогнозы здесь вообще неуместны. Поэтому, завершая статью, ограничусь известным пассажем из творчества М. М. Жванецкого, созвучного, на мой взгляд, с приведённой цитатой из наследия немецкого философа и отражающего нынешнее положение и статус национального языка РФ. В тяжёлые для России времена конца 20-го века журналисты спросили Жванецкого: «виден ли свет в конце туннеля»? Сатирик ответил: «Свет то виден, да туннель, сука, никак не кончается!»

Список литературы

- Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звездинцева. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.
- Наумов, В. В. Языковой Пуризм: Pro & contra // Alma Mater (Вестник Высшей Школы). 2018. № 4. С. 116–120.
- Ницше, Ф. В. Веселая наука / пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. 352 с.
- Ницше, Ф. В. По ту сторону добра и зла. СПб, 2008. 238 с.
- Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
- Языковой пуризм // Википедия. Свободная энциклопедия. URL : <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения : 06.04.2020).
- Busse, B., Möhlig-Falke, R., Vit, B. Linguistic purism and language criticism in English // HESO. 2018. N 3. P. 95–102. doi : 10.17885/heiup.heso.2018.0.23890
- Ismailova et al., 2014 – Ismailova, N., Suleimenova, E., Kulichenko, Yu. Language Purism and Cross-Cultural Penetration of Gastronomic Lexicon into the Kazakh Language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 112. P. 451–456.
- Langer, Nesse, 2012 – Langer, N. Linguistic Purism [Text] / N. Langer, A. Nesse // The Handbook of Historical Sociolinguistics, First Edition / Ed. by J. M. Hernández-Campoy, J. C. Conde-Silvestre. Blackwell Publishing Ltd., 2012. P. 607–625. doi: 10.1002/9781118257227.ch33
- Peirce, 1931 – Peirce, C. S. Collected Papers : In 8 vols. Cambridge : Harvard University Press, 1931.
- Walsh, 2010 – Walsh O. French language societies: purist or moderate? // Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2010 / ed. by F. Neveu et al. Paris : Institut de Linguistique Française, 2010. P. 2015–2026. doi 10.1051/cmlf/2010135.

Vladimir V. Naumov
Independent researcher
Saint-Petersburg, Russian Federation
 vladimir_naumov@mail.ru

God, nature, human being, language: Voices of pessimism (An essay on a current issue)

Abstract

In the essay, I offer multi-factor approach to the analysis of nature condition and the impact of human activity on the environment. Its detrimental effect on flora and fauna of the Earth is exemplified, the consequences of the effect are analyzed, measures are offered to prevent ecological disaster and the possible human population extinction. Language problems are considered from the angle of language purism as one of the patterns of Human-Language interaction that has a long history and demonstrates the multitude of positions that at times turn out opposite. The paper evaluates language purism in general, discusses closely connected issues of bilingualism, and insists on the necessity of status and structural change of educational programs that focus on nature and language.

Keywords: God, nature, Human being, evolution, ecology, language, education, bilingualism, language purism, language policy.

© Naumov V. V. 2020

References

- Humboldt, von. W. (2001). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected writings in language studies]. Translated from German and ed. by G. V. Ramishvili; Afterword by A. V. Gulyga and V. A. Zvegintsev. Moscow : Progress Press.
- Naumov, V. V. (2018). Yazykovoy Purizm: Pro&contra [Language purism: Pro & Contra]. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)* [Alma Mater (Higher School Herald)], 4, 116–120.
- Nietzsche, F. W. (2007). *Veselaya nauka* [La gaya scienza] / Translated from German by M. Korenevoy, S. Stepanova, V. Toporova. St Petersburg : Azbuka-klassika Press.
- Nietzsche, F. W. (2008). *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil]. St Petersburg.
- Sapir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected writings in language, culture and personality]. Translated from English and edited by A. E. Kibrik. Moscow : Progress Press, Univers Press.
- Yazykovoy purizm [Linguistic purism]. *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. Free encyclopedia]. Retrieved April 6, 2020 from <<https://ru.wikipedia.org>>.
- Busse, B., Möhlig-Falke, R., Vit, B. (2018). Linguistic purism and language criticism in English. In *HESO*, 3, p. 95–102. doi : 10.17885/heiup.heso.2018.0.23890.
- Ismailova, N., Suleimenova, E., Kulichenko, Yu. (2014). Language Purism and Cross-Cultural Penetration of Gastronomic Lexicon into the Kazakh Language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 112, 451–456.
- Langer, N., Nesse, A. (2012). Linguistic Purism. In J. M. Hernández-Campoy, J. C. Conde-Silvestre (Eds), *The Handbook of Historical Sociolinguistics*, 1st Ed. (pp. 607–625). Blackwell Publishing Ltd., 2012. doi: <https://doi.org/10.1002/9781118257227.ch33>
- Peirce, C. S. (1931). *Collected Papers : In 8 vols.* Cambridge : Harvard University Press.
- Walsh, O. (2010). French language societies: purist or moderate? In F. Neveu, V. Muni Toke, J. Durand, T. Klingler, L. Mondada, S. Prévost (éds.), *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2010* (pp. 2015–2026). Paris : Institut de Linguistique Française. doi 10.1051/cmlf/2010135.